

A photograph of the Stonehenge monument in England, featuring large grey stone structures arranged in a circular pattern. The scene is set against a dramatic sunset sky with vibrant orange, red, and yellow hues. The text is overlaid on the upper portion of the image.

Пьер Легран

АНГЛИЯ БЕЗ МИФОВ

[Site de Pierre Legrand](#)

Оглавление

Предисловие.....	3
Древняя история. Король Артур не был германцем.....	4
Средневековье. Пиратство на суше.....	8
Новое и новейшее время. Империя и ее крах.....	17
Английское мифотворчество на примере литературы.....	26
<i>Литература</i>	29

Предисловие

В массовом сознании историю Англии трудно отличить от мифов, активно насаждаемых английскими историками, политиками и пропагандистами на протяжении нескольких столетий. Мифы настолько въелись в канву истории, что даже специалистам порой трудно избежать их влияния. Перед вами попытка чистого, свободного от английского мифотворчества осмысления истории Англии. Никаких революционных открытий и сенсационных разоблачений. Просто трезвый взгляд на самую мифологизированную историю. Поскольку это краткий очерк, внимание заострено на самых ключевых моментах истории острова, в свое время послуживших поводом для мифотворчества. Вроде Англии, как колыбели демократии, кельтской преемственности англосаксонской культуры, англо-французских отношений etc.

Древняя история. Король Артур не был германцем

Современное население Британии формировалось на протяжении последних полутора тысяч лет, и сложилось почти сплошь из пришлых народов. Потомки древнего населения, кельтских племен бриттов, сохранилось лишь в Уэльсе и Корнуэлле, но и там людей, говорящих на языке предков, как и в Ирландии – не более 1,5%. Они носят английские имена, и культурно мало отличны от англичан.

Автохтонное, докельтское население не оставило от себя ничего, кроме мегалитов Стоунхенджа. В первом тысячелетии до новой эры, между 700–200 гг., племена кельтов, сформировавшиеся на территории нынешнего Лионнэ и в Гельвеции, расселились по всей Западной Европе, дойдя до островов Британии. Кельты ассимилировали коренное население, поскольку были более многочисленны и обладали более высоким уровнем культуры. Далее культурное и экономическое развитие островных кельтов – бриттов и пиктов – значительно замедлилось, по сравнению с континентальными кельтами – галлами. Причиной того служила удаленность от мировых культурных центров эпохи, тяготеющих к Средиземноморью.

Страбон, в своей «Географии» так описывает население Британии:

«Жители Бреттании более рослые, чем кельты¹, и менее светловолосые, но более хрупкого телосложения. Доказательством их рослости может служить следующее: я видел сам в Риме бреттанских подростков, возвышавшихся на полфута выше самых высоких мужчин в городе, хотя они были кривоногими и не отличались стройностью телосложения. Обычаи бреттанцев отчасти похожи на кельтские, отчасти же более простые и варварские, так что некоторые при изобилии молока не умеют готовить из него сыр; бреттанцы неопытны и в садоводстве, и в прочих земледельческих занятиях. У них есть племенные вожди. На

¹ То есть кельты Галлии – галлы.

войне у них большей частью в ходу колесницы, как и у некоторых кельтов. Города бреттанцев – это леса, ибо они огораживают поваленными деревьями широкое пространство в виде круга и там устраивают для себя хижины и стойла для скота, однако не надолго. У них чаще идут дожди, чем снег, и даже в погожие дни туман держится так долго, что за целый день солнце видно только 3 или 4 часа около полудня. Эти [явления] происходят и у моринов, менапиев и всех их соседей».

Если оценку антропометрии бриттов можно оставить на совести автора, точнее его субъективного восприятия, или случайного стечения обстоятельств в описанном эпизоде, то все прочие сведения, приводимые Страбоном, находят подтверждение в других письменных и археологических источниках, рисуя картину общинного родоплеменного социума, в отличие от галлов, еще далекого от раннеклассового общества, которое можно считать первой ступенью цивилизации. А описание туманной погоды острова мы можем наблюдать и поныне.

Название Бреттания было дано острову римлянами и закрепилось до наших дней. Во французском языке нет разницы между Бретанью и Британией. Британию они называют Большая или Великая Бретань – Gros ou Grande Bretagne. Впоследствии, после присоединения Шотландии в начале XVIII в., напыщенные английские политики назвали так новую страну, превратив сугубо географический термин в амбициозно политический. Кстати, Уэльс по-французски звучит Pays de Galles, что буквально значит «Страна галлов (кельтов)». И неспроста, поскольку в V–VII вв., в эпоху Великого переселения народов, когда на остров хлынули потоки англов, саксов и ютов (германских племен континента), бритты уцелели, в основном, только там, поскольку труднопроходимые лесистые валлийские горы служили надежной природной защитой и мало привлекали завоевателей, уже

захвативших обширные низменные территории. Прочие бритты были либо истреблены, либо переселились на галльский полуостров Арморику, получивший впоследствии название Бретани. И именно поэтому во французском языке нет разницы между большой и малой Бретанью. Поскольку оба топонима произошли от названия одного и того же этноса.

Чтобы разобраться почему так трагично обернулось для островитян нашествие варваров, стоит учесть, что, как выше говорилось, они сами стояли на уровне развития немногим выше пришельцев, а также не были более многочисленными. В отличие от населявших Галлию потомков галлов и латинян – галло-римлян, значительно превосходивших германцев в культурном и экономическом плане. К тому же галло-римляне были гораздо многочисленней завоевателей – франков и бургундов – и без труда их ассимилировали, привив тем свою культуру и язык. Бриттам повезло куда меньше, так же, как и их сородичам пиктам, населявшим Шотландию и подвергшихся нашествию других кельтов – скоттов из Ирландии. Это столкновение послужило основой для поэмы Стивенсона «Вересковый мед», малоправдоподобной, но безусловно красивой.

Бритты же вполне мирно смешались с кельтскими племенами Бретани. В память о неравной борьбе с англосаксами они создали героический эпос о короле Артуре. Именно от бретонцев куртуазный поэт Кретьен де Труа узнал эту легенду и изложил ее в стихах, тем самым увековечив и донеся до наших дней. И уже много позже ее многократно перепели английские авторы, парадоксальным образом превратив эпос о борьбе бриттов с завоевателями англосаксами в историческую основу для легендаризации англосаксонского государства. Это тоже очень по-английски, если вспомнить широко известную культуру чая, и то, как англичане по-варварски управляли захваченной ими Индией, откуда эта культура к ним пришла.

Возвращаясь к названию острова, припомним, что греки, еще до римлян, называли его Альбионом, в честь одного из бесчисленных богов и героев, сына Посейдона и брата Атласа, который, на пару с Ибериусом не пустил Геракла дальше одноименных столпов. В средние века, в Англии², родилась другая, якобы греческая, легенда, по которой топоним Альбион произошел от гречанки Альбины, изгнанной туда с родины и встретившей троянца Энея, не дававшего покоя всем авторам легенд, начиная с Вергилия и заканчивая Шекспиром.

Примечательно, что за четыреста лет римского владычества в Британии, она совершенно не была романизирована, в отличие, как уже говорилось, от Галлии, которая, со временем, в культурном и особенно экономическом плане даже превзошла Италию. Причины во все той же удаленности провинции от Рима, и в ее природных условиях, резко отличимых от итальянских. Латиняне не спешили мигрировать в бесполезную, с их точки зрения, далекую туманную провинцию, не создавали там латифундий, почти ничего не строили, за исключением оборонительных сооружений, самым примечательным из которых стал Антонинов вал, защищавший Британию от набегов пиктов из Шотландии. Позже такие валы защитили всю границу империи, от батавских фьордов до Черного моря.

Британия стала единственной римской провинцией, откуда римляне ушли добровольно в 406–407 гг., оставив несколько опустевших городов (Лондон, Манчестер etc.), отдельные римские виллы, и сеть дорог, зарастающих травой. В культурном плане оставили еще меньше: немного латинизмов в языке, и незадолго до того принятое христианство. Британия вступила в период «кельтского возрождения». Но тут началось нашествие варваров на остров.

² Впрочем, она может быть и французской, поскольку дошла до нас только на старофранцузском.

Средневековье. Пиратство на суше

Англи, саксы и юты, совершив серию вторжений, либо полностью вытеснили бриттов с их территорий, либо загнали в наименее подходящие для жизни места – горный лесистый Уэльс и меловые холмы Корнуэлла.

Англия в VII—IX вв.

Позже англичане многократно применяют подобную тактику в Ирландии, Северной Америке, и даже на европейском континенте. Во время Столетней войны, Генри V, захватывая Руан, Кале и другие нормандские города изгонял, поздней промозглой осенью и холодной зимой, все французское население этих городов, и заменял их на переселенцев с острова.

Переселение варваров продолжалось непрерывным потоком с 450 по 600 г. Вслед за военными отрядами следовали целые роды и племена с женщинами, детьми и скарбом. Бритты оказали ожесточенное сопротивление. Именно оно, в сочетании с трудным, лесистым, и местами болотистым ландшафтом, способствовало столь долгому периоду закрепления завоевателей на новой территории. Варвары начисто стирали все, что осталось от Римской империи. Исчезло христианство, сохранившееся лишь в Ирландии, разрушались города и виллы. Уцелевшие бритты были изгнаны или обращены в рабов.

Почему ничего подобного не произошло в других частях Римской империи, подвергшихся вторжению варваров? Ответ в нескольких факторах. Как уже говорилось выше, на материке коренное население было многократно многочисленней завоевателей (например, франки и бургунды в Галлии составили не более 10% населения), и те просто физически не могли его изгнать или уничтожить. Они ограничивались тем, что делили римские земли с местным населением. В Бургундии их доля равнялась 1/3 земельного фонда. В Лангобардии, наименее лояльной к автохтонам, 2/3.

Более того, культурный уровень жителей римской империи был намного выше его у германцев, не имевших ни письменности, ни материальной культуры, ни закона. Поэтому многие вожди варваров, подобно салическому Кловису (Хлодвигу) охотно перенимали галло-римские обычаи, язык и христианскую религию. Они создавали своды законов, по примеру римских – широко известные лексы (lex) или «правды». Конечно,

фактически они не имели ничего общего с римским правом, и являли собой записи обычного права³, но важен сам факт принятия латинской письменности и принятия постулата о писаном законе, что свидетельствовало об определенном культурном росте завоевателей.

Ничего подобного не происходило в Британии, где коренное население не было многочисленной пришельцев, а его культурный уровень незначительно превышал варварский. Наконец, бритты, на момент вторжения, уже не были в римском подчинении, и появление новых завоевателей их совершенно не устраивало, что побуждало их взяться за оружие. Стечение всех трех фактов роковым образом решило судьбу бриттов и определило страну в руки пришельцев.

Что представляли из себя завоеватели?

По свидетельству Цезаря в «Записках о галльской войне» (на примере свевов), они настолько кровожадны и ксенофобны, что не терпят вблизи своего племени никакого другого, создавая вокруг своей территории необитаемые пустыри. Чем больше такой пустырь, тем больше «доблести» у племени. У тех же свевов ширина «полосы отчуждения» достигала 600 тыс. шагов (~300 км). Очевидно, Цезарь, преувеличил ее размеры, но сам факт крайне примечателен – германцы не терпели никого рядом с собой, были исключительно воинственны и кровожадны.

Страбон рассказывает о кимврских старухах-жрицах, перерезающих горла пленным над огромным чаном, куда стекала кровь жертв. Затем тела несчастных расчленили, потрошили и на их внутренностях проводили гадания, вроде тех, что делали римские гаруспики на потрохах животных.

Тацит в «О происхождении германцев...» сообщает, что германцы, когда не воюют, живут в лени и праздности. Всю работу за них делают женщины и старики. Мужчины же спят до вечера, а затем идут напиваться

³ Неписанный закон, основанный на обычаях.

напитком из перебродившего зерна (пивом). Очень любят азартные игры. Случается, проигрывают себя в кости и становятся рабами. Там же, в гл. XL, Тацит впервые упоминает англов, обитавших, на тот момент, на перешейке Ютландии. Таковы были нравы народов, заселивших Британию к началу Средневековья.

Поскольку германцы находились еще в ранней стадии разложения племенного строя, то какого-либо монолитного государственного образования в Британии создать они не смогли. Завоеванная страна разделилась на множество «королевств», самых больших из которых насчитывалось семь. Отсюда, период раннего англо-саксонского владычества (VI–VIII вв.) принято называть гептархией. И только в процессе феодализации, относительного культурного развития под влиянием континентальных стран, и принятия католичества в конце VII в., оказалось возможным объединить племена в одно королевство, под властью Уэссекса, в 829 г. Объединению способствовало и очередное нашествие с континента: бородатые, всклокоченные, полуголые, опьяненные пивом и боем кожаных барабанов, язычники датчане и норманны казались теперь англосаксам такими же свирепыми варварами, какими они предстали перед бриттами три столетия назад. По словам хрониста «они опустошали грешную землю Англии от одного берега до другого, убивали народ и скот, не щадили ни женщин, ни детей». Судьбу бриттов англосаксы не повторили лишь потому, что нашествие датчан не было столь массовым, оно скорее носило характер спорадических пиратских набегов, которому в то время подвергалась вся Западная Европа (и значение которых хронисты заметно преувеличили). Тем не менее, король Уэссекса, по миру 879 г. вынужден был уступить северо-восточную половину Англии датчанам. В течение столетия англосаксы отбили все датские завоевания, а самих датчан постепенно ассимилировали.

Тем не менее, англосаксонское королевство было очень слабым образованием. Экономика и культура страны отставали от континентальной. Пользуясь ситуацией, вассал французского короля, нормандский герцог Гийом Бастард, впоследствии прозванный Вильгельмом-Завоевателем, переправившись в Англию с армией французских рыцарей, без труда разбил у Гастингса английского короля, ослабленного битвой с норвежцами у Стамфорд-бриджа. Страна в очередной раз была завоевана.

Особенностью Нормандского завоевания, являлось то, что оно не повлекло за собой массового переселения завоевателей на новую территорию. Конечно, был определенный приток рыцарей, клириков, горожан и купцов, привлеченных новыми рынками, но основная масса населения осталась прежней. Изменения коснулись в первую очередь феодального сословия, которое было значительно офранцужено. При дворе говорили только по-французски. И Анри Плантагенет, и его широко известный сын Ричард I, говорили только на французском. Знаменитый английский хронист Матвей Парижский, или Парижанин (Матьё Паризьен – Matthieu Parisien) вероятно никогда не был во Франции, а взял это прозвище ради морального веса, поскольку французские клирики вызывали в Англии больше пиетета, чем местные. Судопроизводство стало вестись на французском, а не латинском языке. Сам английский язык обогатился огромным количеством французских и латинских слов, и теперь значительно отличался от древнеанглийского языка. Была принята орфография, значительно заимствованная из французского. В столь огромном влиянии французского языка на английский нет ничего удивительного, если вспомнить что это было время расцвета французской литературы. Время Тома, Кретьена де Труа, Жерара де Руссильона, Мари де Франс, Гийома де Льориса и Жана де Мена.

Французская литература дала толчок английской, которая породила Чосера, вставшего в один ряд с Вийоном и Петраркой.

Произошли сдвиги в политической, социальной и экономической сфере. Вся земля была, «по праву завоевания», объявлена королевской собственностью и роздана верным вассалам. В отличие от Франции, в Англии у сюзерена не было крупных вассалов (герцогов и графов), и поначалу королевская власть была достаточно прочной. Но со временем, аппетиты двора росли, а с ним и недовольство, не только феодалов, но и богатых горожан, которые, в отличие от Франции, не имея притеснений от местного сеньора (крупного феодала), терпели подобные от короля, и не были его естественными союзниками, а наоборот, выступили с дворянством единым фронтом, и добились знаменитой хартии вольностей 1214 г., которые так любят восхвалять английские историки.

На самом деле, это не демократический документ, каким нам его часто представляют. Это был документ своего времени, и выражал интересы, в первую очередь, владетельных феодалов. Например, ст. 34 запрещала королевскому суду разбирать тяжбу о свободном держании (то есть фьефе рыцаря или ротюрье) от барона. Здесь нет никакой демократизации, напротив, бароны становились полновластными хозяевами в своих владениях, утверждая правило «вассал моего вассала – не мой вассал», выстраивая тем самым феодальную лестницу. Статья 41 позволяла свободно въезжать иностранным купцам. Эта, на первый взгляд незначительная статья, имела огромное значение, так как позволяла феодалам, торговцам и монастырям свободно сбывать иностранным купцам шерсть, минуя королевский фиск. Это, во-первых, усиливало экономическую (а в условиях того времени и политическую) независимость феодалов, духовенства и городов. А во-вторых, ставило Англию на путь монокультурного экспортного

производства, тесно связанного с континентом. Впоследствии это окажет огромное влияние на развитие страны – от огораживаний, до колониальных захватов и претензий на торговое и морское доминирование. Действительно, сырой островной климат не способствовал сбору обильных урожаев зерновых, не подходил для виноделия, зато обеспечивал круглогодичный выпас овец. Разумеется, в условиях полунатурального хозяйства, когда торгово-экономическая интеграция только налаживалась, торговля шерстью была лишь дополнительным доходом феодалов, но она наметила грядущий экономический курс британского государства. В будущем эта статья обогатит купцов и джентри, а сам демос обречет на пауперизацию и участь гонимых бродяг или сервентов-рабов в колониях.

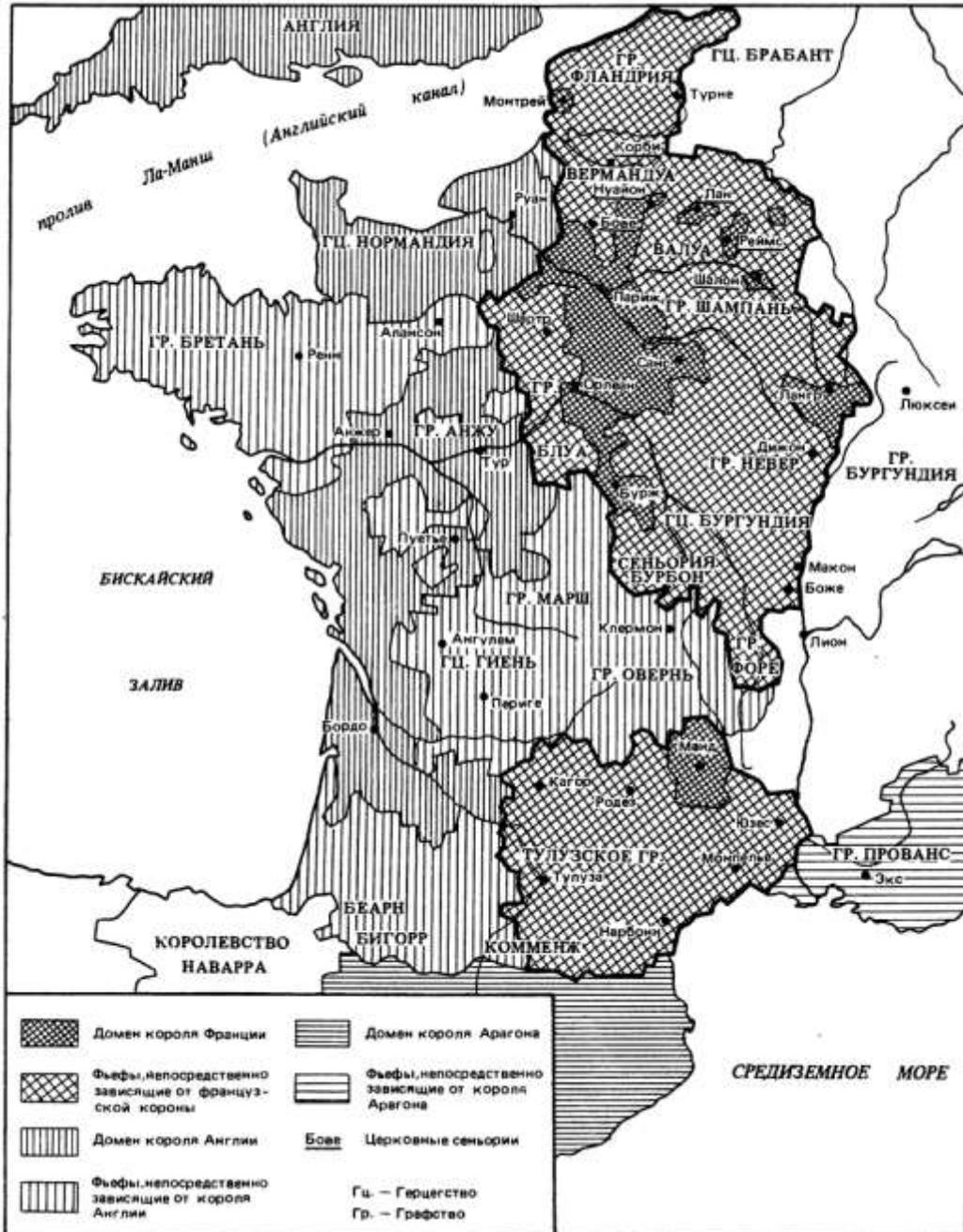
Еще одна статья является гордостью апологетов демократичности хартии. Это ст. 39, по которой король не может свободного человека арестовать, заключить в тюрьму etc., без решения суда пэров. На самом деле эта привилегия касалась лишь баронов, а простым жителям Англии оставался разъездной коронный судья. Более того, хартия совсем не упоминает вилланов⁴, кои в тот период в Англии были весьма многочисленны, и судились судом сеньера.

Внешняя политика высокого средневековья определялась для Англии универсализмом, выражавшемся в стремлении объединить английские и французские владения Плантагенетов. Возникшая в XII в. Англо-французская держава Плантагенетов, была создана благодаря заключению двух удивительно выгодных для династии браков. Отец Анри Плантагенета, будущего короля Англии Генриха II, Жоффруа, граф Ажу и Мэна, женился на английской королеве Матильде, внучке Вильгельма Завоевателя.

⁴ Следует помнить, что в отличие от Франции, где вилланами именовались свободные крестьяне, в Англии и Нормандии вилланами называли крепостных. Знаменитая «Поэма о версонских вилланах» Эсту ле Гоца посвящена именно крепостным.

Впоследствии сам Анри заключил еще более выгодную сделку с распутной Алиенорой Аквитанской, оставленной королем Франции Луи VII. В результате под властью Генриха оказалась, кроме Англии, половина Франции. Он начал проникновение в Ирландию, захватил половину Уэльса.

25. ФРАНЦИЯ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ ФИЛИППА-АВГУСТА (1180 Г.)

Власть первых Капетингов, королей Франции, напротив, ограничивалась тогда лишь районами Парижа и Орлеана. Многие вассалы лишь формально признавали королевскую власть, зачастую считая себя равными королю. Широко известен диалог⁵, состоявшийся в начале XI в. между королем Робером Благочестивым (сыном Гуго Капета) и его сыном и соправителем Гуго II, с одной стороны, и графом Перигора Одебером с другой:

- Кто сделал тебя графом?
- А вас кто сделал королями?

Появление огромной англо-французской державы Плантагенетов создавало опасность для самого существования Французского королевства. Важным моментом являлся факт, что сюзереном французских владений английского короля оставался французский король, и первый второму приносил оммаж (homage – клятву верности вассала сеньору), за держание этих фьефов. В случае нарушения клятвы, сеньор вправе был отобрать фьеф. Именно этим обстоятельством воспользовался Филипп II Август, чтобы начать борьбу за возврат французских земель под свой суверенитет.

В результате успешной борьбы с английским королем Иоанном (Жаном, Джоном), он вернул себе почти все французские провинции последнего – Нормандию, Анжу, Мэн etc. За Иоанном после этого закрепилось прозвище «Безземельный», под которым он и вошел в историю. Реконкиста продолжилась при наследниках Филиппа и завершилась подписанием Парижского мира 1259 г., по которому у английского короля осталась лишь часть Гиени и Гаскони⁶ – полосы земли от Жиронды до

⁵ По мнению французских историков, скорее всего вымышленный хронистом, но, тем не менее, весьма правдоподобный.

⁶ Гиень – фьеф, герцогство с центром возле устья Жиронды. Гасконь – топоним, фьефом никогда не являвшийся, совокупность земель от Бискайского залива (южнее р. Лер) до Лангедока. Разные источники часто смешивают эти два понятия в одно, называя то Гиенью, то Гасконью.

Наварры. Но и в этих владениях английский король вынужден был платить своим вассалам за верность⁷.

Тем не менее, Плантагенеты лелеяли мечту о возврате прежних владений. Случай представился в 1328 году, когда во Франции разразился династический кризис. За неимением прямых наследников, трон перешел к боковой ветви Капетов – Валуа. Этим воспользовался Генрих III, потребовав, ни много ни мало, титул французского короля, под тем предлогом, что его мать, королева Изабелла, была французской принцессой. Конечно, любой юрист того времени, или февдист последующих веков, без труда отмел бы это абсурдное требование, поскольку в длинном ряду претендентов, с точки зрения феодального права, Генри был даже не на десятом месте. Но повод был найден, и началась самая продолжительная и опустошительная война Средневековья – Столетняя. Вопреки ожиданиям Плантагенетов, закончилась она для них полным политическим фиаско – династия прервалась, а власть узурпировали Ланкастеры, что привело к продолжительной междоусобице Роз. В эпоху Ренессанса Англия входила, ослабленной внутренними противоречиями и потерявшей все владения по ту сторону Ла-Манша.

Новое и новейшее время. Империя и ее крах

XVI-XVII вв. изменили внешнюю политику Англии. Стремление к континентальным захватам сменилось погоней за колониями, торговым первенством и призрачным владением морем. Тогда же началась вторая экспансия в Ирландии, закончившаяся полным порабощением коренного

⁷ Басовская Н. К вопросу об английской политике в Гаскони в конце XIII в. // Средние века, вып. 33. Москва, 1971. с. 209, 215.

населения, низведенного до положения сервов. Политика, проводимая английскими властями в Ирландии, была близка к планомерному геноциду.

Внутри Англию раздирали религиозные склоки. Наиболее радикальные и одиозные религиозные фанатики английского кальвинизма – пуритане и пресвитериане, мигрировали в Америку, основав там колонию Массачусетс. Умеренные селились в захваченном у голландцев Нью-Йорке.

Распри между королем, сторонниками феодальных порядков и джентри, сидящими на мешке с шерстью, закончились революцией, тиранией Кромвеля и Реставрацией. Теперь католического короля поддерживал французский монарх. Взамен первый был лоялен второму. Пока король был при деньгах, виги не могли его свергнуть. Но все кончилось в 1689 г. когда зять короля Якова II, нидерландский статхаудер Вильгельм Оранский⁸, высадился у Гастингса (снова там!) с армией наемников. Посланными против него английскими войсками командовал Джон Черчилль. Под барабанную дробь, с развивающимися знаменами и гордо поднятой головой, он перешел на сторону врага. Вместе со всей армией. За это предательство он получил титул графа Мальборо. Другой его подвиг – разорение Баварии (по ходу войны за Испанское наследство) в лучших варварских традициях – принес ему герцогский титул. Яков бежал, и виги быстро короновали «нового короля». Началась эпоха безраздельной власти обуржуазившейся аристократии и торгово-промышленной буржуазии. Дж. Свифт сказал по поводу: «Виги после своего падения превратились в самых злонамеренных негодяев на свете».

Английские историки лицемерно назвали событие, больше достойное Древнего Рима эпохи гражданских войн, «Славной революцией». Именно тогда была утверждена государственная система, существующая, с

⁸ Среди прочего, организатор зверского убийства выдающегося голландского государственного деятеля Яна де Витта и его брата Корнелиса.

некоторыми изменениями, по сей день. Многие нелепые пережитки того времени бытуют поныне. Например, английский король не может быть католиком, или жениться на католичке, а в Ольстере до 70-х годов XX в. католики не имели пассивного⁹ избирательного права. Наконец (к устоявшемуся заблуждению о первенстве Англии в процессе развития демократических институтов власти), всеобщее избирательное право для мужчин было предоставлено только после первой мировой войны¹⁰, в 1918 г. Цену английской демократии дал в 1840 г. английский поэт У. Сэнки:

Англичане, вы – рабы!
Толку нет от похвальбы,
Что в Британии свобода
Достояние народа.

Во внешней политике на первое место вышло противостояние с самым опасным соперником – Францией, оставшейся последним препятствием на пути Англии к мировой торговой и политической гегемонии. Эта борьба продолжалась 125 лет, и сопровождалась самыми гнусными актами, вроде геноцида населения Акадии в 1855 г., когда, по решению английского правительства, 12 000 франко-канадцев были изгнаны из своих домов и насильно депортированы в другие регионы. Условия транспортировки изгнанников были близки к обстановке на кораблях работорговцев. Часть обреченных бежала, не желая покидать Акадию. На них охотились с собаками, за их скальпы назначали награду, а найденных расстреливали, невзирая на пол и возраст. Все они в итоге были убиты или

⁹ Права быть избранным на должность в законодательном органе любого уровня.

¹⁰ Например, во Франции оно вводилось в 1793, 1848 и 1875 (окончательно). А первые выборы по такому принципу были проведены еще в 1792 г.

умерли от холода и голода. Из числа депортированных многие погибли в пути от нечеловеческих условий и недостатка воды и пищи. Другие были доставлены в английские колонии. Там их либо обратили в белых рабов – сервентов, либо позволили умереть от лишений, не дав ни крова, ни работы. Лишь немногие добрались до французских колоний или метрополии (о. Бель-Иль и Нант). Нелишне добавить, что на момент планирования и осуществления этого зверства, Англия *не находилась* в состоянии войны с Францией¹¹! Здесь, несомненно, сказались «добрые» английские традиции, заложенные изведением бриттов и продолженные истреблением ирландцев. В 2003 г. власти Канады признали депортацию акадийцев преступлением против человечества.

Изнурительная борьба двух титанов завершилась позорным Венским конгрессом, где страны-победительницы рвали Европу как проголодавшиеся волки, а Британия прибирала к рукам чужие колонии, в том числе и своих незадачливых союзников, вроде голландского Цейлона. По выражению Герцена, «телегу истории по ступицу вогнали в грязь, из которой она нескоро выберется».

Англия, наконец, могла вздохнуть свободно – мечта о вождеденной гегемонии сбылась. Действительно, так называемый викторианский период стал пиком развития английского империализма. Она стала монополистом в торговле, промышленности и колониях. Она присвоила себе звание европейского арбитра, при том, что в политике колониальных захватов ее уже никто не ограничивал. Египет, Судан, Бирма, бурские республики захватывались с удивительной легкостью, и при полностью индифферентном отношении других держав. К 1913 г. Британия владела колониями площадью в 29,7 млн. кв. км, с населением в 377 млн. чел.

¹¹ Военные действия начались лишь в следующем году.

Мировая торговля в 1850 г. оценивалась в 14,5 млрд. фунтов, и из них 5,2 млрд. (более трети) приходилось на одну только торговлю Англии с колониями. Для 1870 г. эти цифры равны 37,4 млрд. и 14 млрд. соответственно. Более половины тоннажа мирового торгового флота приходилось на Англию. Число пароходов за одно десятилетие (с 50-х до 60-х гг. XIX в.) возросло с 2000 до 5000.

На Англию 50–60 гг. приходилось более половины мировой выплавки чугуна, добычи угля и производства фабричных изделий. К 1870 г. число механических веретен в Англии равнялось 30 млн. – это в 5 раз больше, чем во Франции или США, и в 15 раз больше, чем в Германии. К середине XIX в. почти весь мир был включен в орбиту капиталистического обмена, и Англия занимала в нем монопольное положение. Пользуясь своим доминирующим положением в торговле и промышленности, Англия провозгласила принцип свободы торговли, добиваясь снижения таможенных тарифов от других стран, прибегая к дипломатическому давлению, экономическому шантажу и военной угрозе. Здесь стоит отметить еще один любимый англичанами миф – о перманентной преданности Англии принципу свободной торговли. На самом деле она применяла его только тогда, когда это было ей выгодно, и когда никакой угрозы местной промышленности не существовало. «В тех случаях, когда иностранная конкуренция представляла угрозу для торговли, английские капиталисты по-прежнему были протекционистами. Так, в частности, обстоит дело с судоходством. По требованию торговцев и судовладельцев правительство вплоть до середины XIX в. систематически возобновляло действие Навигационных актов¹². Даже такой суровый критик меркантилизма, как Адам Смит, одобрял это законодательство, называя его “одним из самых мудрых мероприятий Англии по регулированию

¹² Положения, впервые принятого еще при тирании Кромвеля, запрещающего ввозить в Англию товары на не английских судах (кроме кораблей из стран происхождения этих товаров).

торговли”»¹³. Долгое время действовал «ситцевый закон», запрещавший ввоз индийских хлопчатобумажных тканей. После Первой мировой войны, когда экономические позиции Англии ослабли, она вернулась к протекционистской политике.

Причины такого подавляющего преобладания на мировом рынке – в грабеже огромных колоний, богатых практически всеми необходимыми видами сырья. Причем выражение «грабеж» не стоит всегда воспринимать как фигуральное. Зачастую он был буквальным. Например, знаменитый алмаз Koh-i noor, украсивший корону королевы Виктории¹⁴, был, в буквальном смысле, снят с трупа последнего раджи Пенджаба Караг Сингха, в 1843 году, когда его владения были захвачены англичанами, а дворец разграблен¹⁵. Легкие деньги сами текли в карманы английских дельцов. В колониях сколачивали огромные состояния, которые затем вкладывали в промышленность метрополии, жиревшей на дешевом сырье. Промышленность прочих стран, не имела таких преференций, и не могла на равных конкурировать с английской. Англия несказанно обогащалась на экспорте своих массовых товаров, получая, опять же, баснословные прибыли, что создавало второй поток золота в метрополию. Она, как огромный паук, высасывала соки из всего мира. Но и этого ей было мало. В тех случаях, когда естественным путем не удавалось сохранить положительно сальдо в торговле с какой-либо страной, в ход шли самые гнусные приемы. Как в случае с Китаем, где английский опиум¹⁶ отравил до 100 миллионов человек. После того, как Китай попытался запретить ввоз опиума, Англия открыто напала на него, захватила Гонконг, и навязала Китайскому императору неравноправный

¹³ Ерофеев Н. Империя создавалась так... Москва, 1964. с. 145.

¹⁴ И по сей день украшающий корону английских монархов.

¹⁵ Окончательная аннексия Пенджаба англичанами состоялась в 1846 г.

¹⁶ Выращивался англичанами в Индии.

договор, положивший начало превращению Поднебесной в полуколонию. Ввоз опиума продолжился.

А какова была жизнь в Англии того времени? Казалось бы, в таких благоприятных условиях следует ожидать высокий уровень жизни *всего* населения. Многие английские писатели XIX в. и современные англофильные авторы рисуют почти неизменную картину «старой доброй Англии»: надменные джентльмены, утонченные леди, пьющие обязательный чай, держа чашку двумя пальчиками, благодарная за шиллинг в день прислуга, мудрый дворецкий – он не в палате лордов лишь из-за низкого происхождения. Кругом счастливые англичане, боготворящие королеву...

Но что было на самом деле? О политическом бесправии большинства населения в тексте уже было. Стоит упомянуть об условиях жизни словами самих англичан того времени. Леворадикальный журналист Вильям Коббет называл Англию «местом величайших человеческих страданий». В первой половине века рабочий день длился 16–18 часов, повсеместно использовался детский труд. Крестьяне к середине века, как сословие, окончательно сошли с английской социальной сцены. В 1870 г. из 32 млн. акров обрабатываемой земли, больше половины – 18,5 млн. акров, принадлежало 4,1 тыс. лендлордов. Они сдавали ее в аренду фермерам – мелким и средним сельским буржуа, которые вели хозяйство, используя наемный труд. Все земли обрабатывались наемными работниками (батраками) которых было 1,5 млн. Внедрение машин и химических удобрений сокращало число рабочих мест.

Происходил отток работников в города, но и там они не всегда могли трудоустроиться. Система «свободного предпринимательства» не может обходиться без кризисов, даже в таких тепличных условиях, как Англия XIX в. Безработица составляла, в зависимости от отрасли, 12–22%, если не включать в

это число частично занятых. Рабочий день в 60-70-х гг. составлял 10 часов¹⁷. Зарплата не росла, а сокращалась на 15–20% (в 1857 и 1867 гг.) Улицы промышленных окраин Лондона были грязными, серыми и унылыми. Дома не имели элементарных удобств. Кругом толпились бездомные и нищие. В 1864 г. их официально насчитывалось 1 014 978 чел. Им уже не рубили руки, как в XVII в., но будущего у них не было, а их жизнь точно охарактеризовал Коббет. Министр финансов Гладстон констатировал в 1863 г. в выступлении в палате общин: «ошеломляющее увеличение богатства и мощи всецело ограничено имущими классами»¹⁸. Со временем они стали осознавать опасность такого положения, и, во избежание социального взрыва, начали, по выражению академика Е. В. Тарле, «делиться крохами пирога». На рубеже XIX–XX вв. появилось первое подобие соцзащиты, квалифицированные пролетарии (т. н. рабочая аристократия) стали получать приемлемую зарплату. Организовалась лейбористская партия, выражавшая интересы рабочих и мелких буржуа.

В международной политике английское влияние было столь велико, что в 1911 г., во время Агадирского кризиса, когда кайзер Вильгельм буквально рвался к войне, хватило, словами Тарле, «одного окрика Ллойд-Джорджа» чтобы немец сразу же поджал хвост.

Затем случилась победоносная Великая война, но именно она, неожиданно, изменила ситуацию. «В разгар величайшей победы перед Британской империей появились грозные признаки ее гибели. Со всех сторон над ней стали собираться тучи. Прочность империи и целостность английских владений оказались под угрозой: в колониях набирало силу освободительное движение, доминионы стремились к полному суверенитету.

¹⁷ Официально ограничение, которое в действительности редко соблюдалось.

¹⁸ Цит. по: Очерки истории Англии. под ред. Г. Левина. Москва, 1959. с. 250.

Серьезные трещины обнаружились в экономике самой Англии. На страницах газет замелькало зловещее слово “кризис”¹⁹. Одной из туч оказалась финансовая: Британия, впервые превратилась из кредитора в должника. Она должна была расплачиваться за войну, в первую очередь с США. И в промышленной сфере, заокеанские «кузены» оставили Британию далеко позади. Более того, промышленность «мировой фабрики» пребывала в стагнации, если не в коллапсе. И даже истощенная войной Франция во многом сравнялась с Англией, а по ряду новейших отраслей (автомобилестроение, производство самолетов, выработка электроэнергии, выплавка алюминия) значительно превзошла ее.

Вторая мировая война окончательно добила империю, которая развалилась за какие-то полтора десятилетия. От гигантской сверхдержавы остался один остров, 51-й штат, теперь покорно идущий в фарватере «старшего компаньона». Неспроста фултонская речь Черчилля была произнесена в США – написана она не без участия советников Трумэна. Позже Тетчер в точности повторяла политику Рейгана по перестройке экономики под крупнейших капиталистов, в ущерб всем остальным слоям населения.

Столь своеобразная история наложила отпечаток на мировосприятие англичан. Они до сих пор относятся, мягко говоря, с недоверием к жителям континента. По-прежнему не признают своих ошибок. Особенно это верно для политиков и историков. Ни один английский премьер не покался в преступлениях своей страны, как это сделал, в свое время, канцлер ФРГ Вилли Брандт, публично признав непростительность немецких преступлений в ходе Второй мировой войны. На почве застарелых национальных комплексов

¹⁹ Ерофеев Н. А. Закат Британской империи. Москва, 1967. с. 40.

обострился английский сепаратизм, вылившийся в отделение острова от Европы – пресловутый брексит.

Английское мифотворчество на примере литературы

Шекспир традиционно считается великим классиком, несмотря на многочисленные претензии критиков, особенно в плане оригинальности использованных им сюжетов²⁰. В этом немалая заслуга английских филологов и литературоведов, повторяющих имя Шекспира столь часто, и в столь восторженных тонах, что не соглашаться с ними считается моветоном. В то же время для человека, знающего современный английский язык, слог Шекспира кажется тяжеловесным и непонятным, из-за обилия *caduc* выражений. В то

²⁰ Все сюжеты произведений Шекспира были написаны до него. Он лишь изложил их в своей, весьма специфической манере.

время как содержание и этическая сторона, при ближайшем рассмотрении, оказываются совершенно нелепыми:

«Помню то удивленье, которое я испытал при первом чтении Шекспира. Я ожидал получить большое эстетическое наслаждение. Но, прочтя одно за другим считающиеся лучшими его произведения: «Короля Лира», «Ромео и Юлию», «Гамлета», «Макбета», я не только не испытал наслаждения, но почувствовал неотразимое отвращение, скуку и недоумение о том, я ли безумен, находя ничтожными и прямо дурными произведения, которые считаются верхом совершенства всем образованным миром, или безумен то значение, которое приписывается этим образованным миром произведениям Шекспира. Недоумение мое усиливалось тем, что я всегда живо чувствовал красоты поэзии во всех ее формах; почему же признанные всем миром за гениальные художественные произведения сочинения Шекспира не только не нравились мне, но были мне отвратительны? <...> желая еще раз проверить себя, я вновь прочел всего Шекспира от «Лира», «Гамлета», «Отелло» до хроник Генрихов, «Троила и Крессиды», «Бури» и «Цимбелина» и с еще большей силой испытал то же чувство, но уже не недоумения, а твердого, несомненного убеждения в том, что та непререкаемая слава великого, гениального писателя, которой пользуется Шекспир и которая заставляет писателей нашего времени подражать ему, а читателей и зрителей, извращая свое эстетическое и этическое понимание, отыскивать в нем несуществующее достоинство, есть великое зло, как и всякая неправда²¹».

Джонатан Свифт, напротив, в Англии не был особенно популярен, поскольку его произведения, пусть и эзоповым языком, но довольно прозрачно осмеивали то, что принято теперь называть английскими традициями, а тогда только утверждалось в английском обществе. Свифт долгое время вращался в кругу политиканов, соучастников «Славной революции», определявших теперь судьбу страны. Он знал политическую

²¹ Лев Толстой. «О Шекспире и о драме».

кухню изнутри, и потому все его выстрелы попадали точно в цель, показывая ничтожность чопорных лордов и нелепость их идей. Гулливер мочится на королевский дворец, гражданская война начинается по нелепому поводу: с какого конца разбивать яйца всмятку. Здесь, соответственно, шпилька в сторону королевы Анны, которая не стерпела такой вольности, и выслала Свифта в Ирландию, и, в случае с яйцами, авторский взгляд на борьбу вигов с тори. Свифту принадлежат замечательные слова: «всякое управление без согласия управляемых есть рабство». Неудивительно, что Свифт всячески предавался забвению, а нелепый Шекспир навязчиво рекламируется до сих пор.

Литература

- D'Arles H. La déportation des Acadiens. Paris, 1919.
- Richard É. Acadie. Reconstitution d'un chapitre perdu de l'histoire d'Amérique. Québec-Boston, 1916-1921. 3 Vol.
- Англосаксонская хроника. С.-Петербург, 2010.
- Басовская Н. К вопросу об английской политике в Гаскони в конце XIII в. // Средние века, вып. 33. Москва, 1971.
- Басовская Н. Столетняя война. Москва, 2010.
- Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи. Москва, 2010.
- Булатов А. Экономика, справочник. Москва, 2008.
- Ерофеев Н. Закат Британской империи. Москва, 1967.
- Ерофеев Н. Империя создавалась так... Москва, 1964.
- Очерки истории Англии. под ред. Г. Левина. Москва, 1959.
- Свифт Дж. Дневник для Стеллы. Москва, 1981.
- Страбон. География. Москва, 1964.
- Тацит. О происхождении германцев. // Анналы. Малые произведения. Л., 1969.
- Толстой Л. Н. О Шекспире и о драме. // Собрание сочинений в 22 томах. Том 15. Москва, 1983.
- Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. Москва, 1958.
- Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Москва-Ленинград, 1948.

Pierre LeGrand